

С завершением весеннего сева у Ли Цинфэна не осталось оправданий, чтобы отлынивать от учебы. Теперь он целыми днями просиживал над книгами с таким скорбным видом, что даже госпожа Чэнь начала сомневаться: неужели учение — и впрямь столь невыносимая мука?

Больше всего Четвёртый брат ждал гостей. Стоило кому-то постучать в ворота, как он тут же нырял в западную комнату под предлогом помощи, лишь бы скрыться с глаз. А вот Ли Маосяню визиты в последнее время приносили одну лишь головную боль. В деревню Ивовую зачастили не только свои, но и люди из соседних селений — все хотели разузнать побольше о Пограничном городе.

Хоть это и были чужаки, но в этих краях все так или иначе приходились друг другу родней, а некоторые и вовсе знали ещё с покойным дедом Цинвэня. Отцу семейства приходилось проявлять ангельское терпение, раз за разом объясняя одно и то же. Он понимал: люди здесь хлебнули лиха и каждый ищет способ выбиться из нужды. Маосянь сочувствовал им, а потому неустанно растолковывал положение дел, хотя и понимал, что не в его власти решать за других.

Ли Цинхун как раз выносил ведро с кормом для свиней, когда заметил у ворот рослого человека с тележкой. Увидев знакомую могучую фигуру, он радостно крикнул:

— Второй дядя!

Чэнь Шаньхэ, только что поставивший тележку и вытиравший пот со лба, вскинул голову:

— Ох, Хун-эр!

Услышав этот крик, госпожа Чэнь в доме чуть не выронила миску. Бросив тряпку, она вихрем вылетела во двор. Увидев брата, она расплылась в широкой улыбке:

— Второй брат приехал!

Цинхун и матушка подхватили гостя под руки, увлекая в дом, но Чэнь Шаньхэ замахал свободной рукой:

— Погодите, тележка... там же груз!

Третий брат тут же отпустил гостя и поспешил к воротам.

Войдя в комнату, Шаньхэ первым делом увидел Ли Цинфэна и Ли Цинвэня. Его лицо озарила добродушная улыбка:

— Четвёртый племянник! Сынок!

Второй дядя был частым гостем в их доме, и Цинвэнь искренне ему обрадовался:

— Здравствуйте, дядя.

Мужчина подошел ближе, сияя от счастья:

— Мать твоя весточку прислала, так я всё гадал, когда же выберусь поглядеть на нашего младшенького!

Не успел Сынок и слова вымолвить, как дядя подхватил его под мышки и легко поднял:

— Ишь, вымахал! А ведь раньше я тебя легко над головой поднимал!

Он с силой качнул юношу вверх-вниз ещё несколько раз. Ли Цинвэнь от неожиданности вытянулся в струнку и замер. В его возрасте подобные проявления нежности вызывали лишь растерянность.

В этот миг в комнату влетел Ли Чжэнлянь и вцепился в ногу гостя:

— Двоюродный дедушка, и меня подними!

Малыш, точно обезьянка, принялся карабкаться по спине родственника. Опасаясь, что Лян-лян сорвется, Шаньхэ поспешно опустил Цинвэня на пол и пересадил внучатого племянника себе на шею. Оказавшись так высоко, мальчишка тут же потянулся к потолочным балкам, заливаясь восторженным смехом.

Поскольку в восточной комнате всё ещё сидели просители, госпожа Чэнь провела брата в западную часть дома. Когда гость уселся на кан, Чжэнлянь и не подумал слезать.

— Гляди, как бы ты дядю не обмочил, — поддразнил его Ли Цинфэн.

— Я же не дурачок какой! — пыхтя, отозвался малец.

Цинфэн тут же обернулся к младшему брату:

— Слыхал, Сынок? Племянник тебя дураком назвал.

— Четвёртый брат, по-моему, он ничего такого не говорил... — с сомнением произнес Цинвэнь.

— Неужто забыл? — Четвёртый брат злорадно усмехнулся. — Ты в детстве на дядю столько раз нужду справлял, что и не сосчитать.

Цинвэнь лишился дара речи.

Чэнь Шаньхэ, слушая их перепалку, громогласно расхохотался:

— Младенческая роса — дело благое! Не каждому такая честь выпадает.

Ли Цинвэнь впервые подумал, что амнезия — это великое благо.

— А чего вы дома-то? — спросил гость. — Неужто со всеми полями управились?

— Всё засеяли, — кивнула матушка. — В этом году и рук было в достатке, и помощники нашлись. Брат, как вы там в Деревне Лаонювань поживаете?

— Да помаленьку, — улыбнулся Шаньхэ. — Прошлогодний урожай риса и пшеницы вышел на славу. Хотел пораньше завезти вам гостинцев, да дела всё не пускали.

— Брат, нам теперь еды хватает, — мягко упрекнула его сестра. — К тому же рис — продукт дорогой, лучше бы продали. А ты такую даль его на тележке пер...

— Да ведь у вас такое не растёт, — добродушно отмахнулся Шаньхэ. — Племянники всё гомонили, что рис вкусный. Многого я дать не могу, но на несколько обедов хватит — пусть порадуются.

Не заметив в доме Ли Цинчжо, дядя спросил о нем, думая, что тот всё ещё постигает врачевание в уезде. Узнав же, что Второй брат отправился в саму столицу, он пришел в неописуемый восторг. Шаньхэ в шутку пожурил сестру за то, что не прислала весть — мол, родственники бы обязательно приехали проводить юношу в добрый путь.

Шум в западной комнате заставил гостей Ли Маосяня понять, что приехали близкие. Они поспешили откланяться. Проводив их, отец семейства вошел к шурина.

Чжэнляна пришлось снимать с дядиных плеч силой. Малыш дулся, но уходить не хотел. Он крутился рядом и вдруг схватил Шаньхэ за его огромную ладонь.

— Двоюродный дедушка, а чего у тебя руки такие... в болячках? — спросил ребенок.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Все взгляды обратились к рукам гостя.

— Да ерунда это, на работе стер... — мужчина попытался спрятать руки в рукава, но госпожа Чэнь оказалась быстрее. Она перехватила его за запястья и ахнула: ладони брата были покрыты лопнувшими волдырями и красным мясом.

— Брат, как же так? — хозяйка дома нахмурилась и велела невестке Цзян принести мазь.

— Пройдет само, не впервой, — отмахнулся Шаньхэ. — Мы люди деревенские, нам не привыкать.

— Это не от мозолей, — отрезала сестра, внимательно осматривая раны. — Похоже на ожоги. Говори прямо: где ты так пострадал?

Невестка принесла снадобье, Ли Цинвэнь осторожно придержал дядю за руку, а матушка принялась бережно наносить мазь.

— Зря переводите дорогое лекарство, — качал головой гость.

Вернувшийся Ли Маосянь тоже нахмурился:

— Брат, что случилось? Чем ты так обжегся?

Под пристальным взглядом зятя Шаньхэ уже не мог отнекиваться.

— Кирпичи обжигал... — нехотя признался он. — Случайно задел раскаленный свод, пустяки.

— Кирпичи?! — всполошилась госпожа Чэнь. — Неужто Динсинь наконец обучился мастерству и открыл в деревне обжиговую печь?

Чэнь Динсинь был единственным сыном Шаньхэ и двоюродным братом Цинвэня.

Дядя горько усмехнулся:

— Куда там... Извели десятки замесов, сожгли гору дров — и ни одной целой плинфы.

Госпожа Чэнь замерла:

— Как же так? Динсинь ведь пять или шесть лет в учениках ходил. Может, опыта не хватает? Позвал бы наставника своего, пусть глянет. В таком деле рука набиться должна.

— Какой там наставник! — Шаньхэ впервые за день позволил себе крепкое слово. — Старый

пройдоха он, а не мастер! Набрал себе десятки учеников — кто по семь-восемь лет у него спину гнет, кто по два-три года в кабале ходит, а мастерству ни один не обучился. Я сыну твердил: не просто вкальвай, а в корень зри! Сразу видно было — у того человека душа нечистая. Каждый праздник такие подношения требовал... Я за всю жизнь не видел, чтобы учитель так нагло с учеников подарки вымогал!

Услышав о беде племянника, матушка лишилась дара речи. Несколько лет назад, когда поползли слухи, что на севере обучают обжигу кирпича, Динсинь, мечтавший о настоящем деле, подхватил скарб и ушел в ученики. Все эти годы он не разгибал спины, дома почти не бывал, а его жена и дети только слезы лили, вспоминая о нем. Сестра тогда утешала невестку: мол, потерпи, выучится — и поставит свою печь у дома, больше не придется ему по чужбинам скитаться.

Кто бы мог подумать, что годы каторжного труда пойдут прахом!

— Вы в ямэнь обращались? — хмуро спросил Ли Маосянь.

— Толку-то, — в сердцах ответил Шаньхэ. — Тот старый лис комар носа не подточит. Когда учеников брал, разливался соловьем: мол, только самым преданным да усердным открою все тайны. Ребята и старались, жилы рвали. Кирпич у него выходит ладный, возами увозят, серебро он в карман гребет, а учеников только честит на чем свет стоит — у каждого изъян найдет. Я теперь ясно вижу: он с самого начала и не думал секреты отдавать!

Ли Цинвэнь слушал это с тяжелым сердцем. В таких делах, где всё строится на устном уговоре, закон бессилён. Наставник никого не принуждал — люди сами шли в кабалу, надеясь на крохи знаний.

Чэнь Шаньхэ, видя сочувствие близких, наконец дал волю обиде:

— И ведь сам виноват... Твердил сыну с детства: не бойся трудностей, делай всё на совесть. Вот он и слушал. Столько издевательств вытерпел, а дома ни словом не обмолвился. Если бы не Лю Дагуан, что с ним вместе учился, я бы до сих пор ничего не знал...

Голос дяди дрогнул, глаза покраснели от сдерживаемой горечи.

— Старый зверь, — процедила сквозь зубы госпожа Чэнь. — Чтоб у него на голове чирьи вскочили, а ноги гнилью пошли!

Увидев, что сестра задыхается от гнева, гость попытался сменить тему:

— Ладно, чего уж там... Будем считать — споткнулись. Главное — подняться и дальше идти. Не бери в голову.

В комнате повисла тяжелая тишина. Каждый переваривал услышанное. Наконец Ли Цинвэнь подал голос:

— Второй дядя, а ваши руки...

— Да это мы с Динсином и Дагуаном решили — не бывать тому, чтобы нас так просто сломали. Вырыли за деревней печь, пытаемся сами обжиг наладить. Вот я помогал, да не углядел... — Шаньхэ потрепал племянника по голове, выдавив улыбку. — Ты, Сынок, расти смышленным, не давай таким псам себя вокруг пальца обвести.

Цинвэнь понимал, что сейчас не время для расспросов, иначе матушка с дядей совсем расстроятся. Он сдержался, решив позже обсудить свои мысли с отцом.

Ли Маосянь заметил странное выражение на лице младшего сына, но промолчал, лишь велел жене собрать на стол — ему хотелось выпить с шурином, чтобы тот хоть немного развеялся. За стол сели и глава семейства, и Ли Цинжуй.

Когда мужчины заняли свои места, Ли Цинвэнь вышел во двор. Четвёртый брат как раз целился из лука в деревянную плаху у стены. Стрела с белым оперением вонзилась в дерево.

— Сынок, — шепотом спросил Ли Цинфэн, — ты слышал, что дядя говорил? Из какой деревни тот старый пройдоха?

— И что ты задумал, брат? — Цинвэнь внимательно посмотрел на него. — Уж не мстить ли собрался? Остынь. Если кого покалечишь — под суд пойдешь. Не стоит такая мразь того, чтобы жизнь из-за неё ломать.

Цинфэн уставился на него, вытаращив глаза.

Цинвэнь, решив, что Четвёртый брат обиделся, продолжил убеждать:

— Можно и без кулаков проучить. Пустить слух о его подлости, чтобы честное имя прахом пошло и никто больше в его ловушку не попался. А еще лучше — делом его придавить. Если кузен Динсинь научится кирпич жечь, монополия того старика рухнет. Одному прибудет, другому убудет...

— Сынок! — перебил его Ли Цинфэн. — Ты где таких слов-то набрался? Я и не слышал никогда.

Цинвэнь осекся. Помолчав, он негромко ответил:

— В Хунчжоу так говорят... Слышал от старшего брата Цзяна и его людей.

— А-а, — протянул Цинфэн. — Только твои способы больно долгие. От них на душе не легчает. Лучше бы он на своей шкуре почувствовал, каково это — людей обманывать.

— Только не натвори глупостей! — с тревогой воскликнул Сынок.

— Да я и места-то не знаю, что я сделаю? — фыркнул брат. — Вечно ты как матушка — всего боишься.

Ли Цинвэнь, дитя правового общества двадцать первого века, мог лишь промолчать.

«Прости, брат, — подумал он, — за десять с лишним лет учебы я привык чтить закон и твой нрав мне не всегда понятен»

Обед выдался богатым. Маосянь и Цинжуй составили компанию Шаньхэ, и вскоре все трое уже сидели с покрасневшими глазами. Госпожа Чэнь в конце концов припрятала кувшин, наотрез отказавшись подливать, и только тогда мужчины принялись за еду. После обеда гостя, который заметно пошатывался, Ли Цинжуй уложил спать на кан в западной комнате.

— Знали ведь, что у брата на сердце кошки скребут, а всё равно столько вина ему дали, — ворчала госпожа Чэнь. — Хмельная тоска — самая горькая.

— Пусть выпьет, — ответил Ли Маосянь. — Если в себе всё держать, еще хуже будет.

Старший брат, у которого тоже голова пошла кругом, ушел прилечь в пристройку.

Отец подозвал младшего сына:

— Сынок, ты ведь что-то хотел спросить у дяди?

Ли Цинвэнь, как раз пристраивавший табурет, замер.

— Я хотел узнать, почему у них обжиг не задается...

— Ты смыслишь в кирпичах? — удивился отец.

— Не то чтобы очень... — замялся юноша. — Видел когда-то, как это делают. Думал, вдруг и здесь так же.

Госпожа Чэнь, услышав это, просияла:

— Сынок, если знаешь способ — помоги брату! Дядя твой к нам всегда со всей душой, а их так жестоко обманули.

— Матушка, я и сам не уверен, — осторожно ответил Цинвэнь. — Боюсь обнадежить дядю, а если ничего не выйдет — только соль на рану посыплю.

— Попытка не пытка! — горячо возразила мать. — Они и так столько раз пробовали, одной неудачей больше, одной меньше — невелика разница.

Ли Маосянь кивнул:

— Рассказывай всё, что знаешь.

В прежней жизни Цинвэня, неподалеку от городка, где он жил, стоял старый кирпичный завод. Хозяева звали родню, друзей, платили мастеру — и обходилось это куда дешевле, чем покупать готовый кирпич. Его дед всегда брал внука с собой на обжиг. Так мальчик и запомнил весь процесс. Он даже помнил, как старый мастер вылепил ему из глины свинку и обжег вместе с партией кирпича...

Ли Цинвэнь знал все шаги — от замеса до закалки, но понимал: знать и уметь — разные вещи. Потому-то он и не спешил с советами. Теперь же он подробно изложил отцу всё, что помнил, деликатно умолчав о том, что сам только в грязи ковырялся.

Рассказ его звучал убедительно. Госпожа Чэнь слушала, затаив дыхание, и всё поглядывала на мужа, ожидая решения. Наконец Ли Маосянь произнес:

— Цинвэнь давно не был у дяди. Пока мы не ушли в новый поход, пусть поживет там немного. И ты, жена, съезди в родной дом на пару дней.

Госпожа Чэнь расплылась в улыбке:

— Тогда я мигом соберу вещи!

— Куда ты спешишь? — осадил её муж. — Отправитесь завтра. Дай брату выспаться.

Сестра уже была на пороге, когда Маосянь добавил:

— И про дела Чэнь Шаньяня при шурине — ни слова.

Шаньхэ и так было несладко, новости о подлости ещё одного родственника только прибавили бы ему горечи.

Вечером, когда дядя проснулся, ему сообщили, что сестра с зятем и племянниками собираются к нему в гости. Он искренне обрадовался:

— Вот и славно! Велю жене каждый день рис варить.

— И не вздумай! — тут же возразила госпожа Чэнь. — Ты не представляешь, сколько эти сорванцы едят. Твой ларь с зерном опустеет быстрее, чем ты моргнуть успеешь!

На следующее утро в доме остались только Ли Цинжуй и госпожа Цзян. Остальные, от мала до велика, отправились вслед за Чэнь Шаньхэ в Деревню Лаонювань. Кони и мул семьи Ли были заняты на пахоте у соседей, поэтому мешки с зерном и маленького Ли Чжэнсина погрузили на тележку, которую пришлось толкать самим.

Чэнь Шаньхэ отнекивался, не желая брать гостинцы, но сестра не могла явиться в отчий дом с пустыми руками. Путь в Деревню Лаонювань по большой дороге был долгим и кружным, поэтому решили срезать через балку.

Дно оврага, выстланное слоем намытого песка, было ровным и удобным для тележки. Однако Ли Чжэнлянь вдруг испуганно закричал:

— Нельзя в балку! Вода придет — всех унесет!

Взрослые во всех деревнях строго-настроено запрещали детям играть в оврагах: стоило в верховьях пройти ливню, как по сухому руслу сносил всё на своем пути стремительный поток. Но, несмотря на крик, глаза мальчишки азартно блестели — страха в них не было и в помине.

— С нами ничего не случится, — успокоила его госпожа Чэнь. — А вот если ты один сюда сунешься, отец тебе так всыплет, что сидеть не сможешь. И я еще добавлю, чтобы неповадно было.

Чжэнлянь смешно высунул язык:

— Бабушка у нас грозная!

Шаньхэ, глядя, как племянники по очереди сменяют Ли Маосяня у тележки, вздохнул:

— Хорошо, когда детей много. И в доме весело, и в деле всегда опора... А у меня только Динсинь.

— Ой, ли! — фыркнула сестра. — Нас-то вон сколько было, и что толку? Когда Сынок болел, я в родную деревню как за подаянием ходила. Братья наши только и следили, как бы отец с матерью мне медяк втайне не сунули. Глядели, как на побирушку... Тьфу, до сих пор тошно

вспоминать.

В семье Чэнь было семеро детей. Шаньхэ был вторым сыном, а матушка — самой младшей. Характеры у всех были разные, и ладили они плохо. Она была близка только со вторым братом, об остальных же и думать не хотела. Пока родители были живы, Второй дядя пытался их мирить, но после многих обид и сам охладел, навещая сестру лишь раз в пару лет.

— Брат, — мягко произнес Ли Маосянь, — у Динсиня ведь не один он. Вон сколько братьев двоюродных. Будем чаще видеться, помогать друг другу — чем не родная кровь?

Шаньхэ согласно закивал.

После долгих блужданий по извилинам балки, тропа наконец пошла в гору.

— Вон там, внизу, и есть Деревня Лаонювань, — указал Ли Цинхун.

С вершины холма открывался вид на большое поселение. Множество домов теснились друг к другу, и среди одинаковых крытых соломой лачуг выделялись несколько добротных строений из синего кирпича под черепицей — видать, там жили самые зажиточные хозяева. Деревня была огромной, раза в три больше их родной Ивовой.

Спускаться было легче, тележка катилась сама, и её приходилось придерживать. В Деревне Лаонювань земель было больше, и многие ещё не закончили сев. Завидев путников, работающие в поле люди разгибали спины:

— Ой, неужто это младшая дочка семьи Чэнь? Сколько лет тебя не видели! Если бы не Шаньхэ рядом, и не узнали бы...

— Да всего-то несколько лет прошло, тетушка, — с улыбкой отозвалась госпожа Чэнь. — А вы совсем не изменились, я вас сразу признала!

Так, переговариваясь с односельчанами, они дошли до окраины. У входа в деревню сестра вдруг нахмурилась и отвела взгляд, сделав вид, что не заметила знакомую фигуру. Второй дядя тоже промолчал, ведя гостей прямо к своему дому.

Госпожа Лу вышла за ворота, высматривая мужа, когда её перехватила госпожа Ван. Та всё донимала её расспросами про обжиг, а Лу, не желая ссориться при людях, только отмахивалась, мол, ничего не знает.

Госпожа Ван заглядывала во двор:

— К Динсиню-то люди зачастили, небось, вместе кирпич жечь собираются? Столько лет в

учениках пробыл, пора бы и научиться. Чего же вы за лесом месяцами возитесь, а кирпича всё не видать?

— Сноха, мужскими делами я не ведаю, — хмурилась госпожа Лу, пытаюсь закрыть калитку. Но Ван придержала дверь рукой: — Уж не правду ли в деревне болтают, что Динсинь твой годы зазря профукал и ни черта не умеет?

Лу уже хотела ответить покрепче, как вдруг увидела мужа и идущих за ним гостей. Её лицо мгновенно преобразилось:

— Утром сорока на заборе стрекотала, я и знала — хорошие гости будут!

Госпожа Чэнь шагнула вперед и взяла невестку за руки:

— Вторая невестка! — ласково позвала она.

Ли Цинвэнь с братьями слаженно поклонились, хором воскликнув: «Вторая тётушка!» Ли Чжэнлян тоже раскрыл рот, чтобы поздороваться, но тут же получил легкий подзатыльник. Цинфэн строго произнес:

— Какая она тебе тётушка? Дедушкина жена — значит, величать её должен «бабушка».

Сидящий на тележке Ли Чжэнсин тут же обхватил голову руками и робко исправился:

— Здравствуйте, бабушка!

Пока все обменивались приветствиями, госпожа Ван наконец узнала золовку и криво усмехнулась:

— Ой, сестрица вернулась! Устали, небось, с дороги, идите отдыхать. А мне пора обед варить.

— Ступай, невестка, — крикнула ей в спину госпожа Чэнь. — Не бойся, к тебе обедать не придем! Иди поосторожнее, не споткнись!

Когда гости вошли в дом, госпожа Лу тихо заметила:

— Язык у неё вечно как бритва. Помяни мое слово, она теперь за глаза еще долго тебя честить будет.

— Да когда я от неё пряталась, она тоже молчала редко, — фыркнула матушка. — Пускай болтает, отсюда я её всё равно не услышу.

<http://bllate.org/book/15828/1441221>